

Зря ты, Курт...

Тома КАНТАЛУБ

«ЭВЕНМАН ДЮ ЖЕДИ», ПАРИЖ.

ЕСЛИ БЫ лет сорок назад кому-нибудь пришла в голову идея открыть пантеон рок-музыкантов, то сегодня оказалось бы, что он переполнен певцами, ушедшими из жизни слишком рано, слишком поспешно.

Курту Кобейну исполнилось всего 27, когда 8 апреля 1994 года он нажал на курок помпового ружья, направив его себе в голову. (Столько же лет было и Джиму Моррисону, и Джимми Хендриксу, и Дженис Джоплин.) На следующий день некоторые теле- и радиоканалы прервали свои передачи, и эфир заполнили боль и слезы ничего не понимавших фанов. Газеты вышли с фотографиями, запечатлевшими его в образе страдающего Христа: крупно набранные заголовки на первой полосе называли его «поэтом поколения гранжа». Телефоны доверия в службе помощи потенциальным самоубийцам раскалились от нескончаемых звонков рыдающих подростков.

У Курта Кобейна нет могилы, его негде оплакать. Погребальный дым развеян ветром. Он ушел, оставив после себя в наследство несколько альбомов, газетные интервью, насквозь пронизанные ощущением горечи бытия, да прощальное письмо, найденное неподалеку от тела. Это письмо зачитала вслух его жена, рок-певица Кортни Лав, всем тем, кто пришел проводить Курта в последний путь. Быть может, ключ к его самоубийству можно отыскать в этих строках? «Вот уже много лет, — писал он, — я не испытываю никакого подъема — ни когда слышу или сочиняю музыку, ни когда читаю или пишу. А я не хочу никого обманывать... Это было бы нечестно и по отношению к вам, и по отношению к самому себе... Страстность ушла от меня. Помните, как это говорят? Лучше быстро сгореть, чем медленно тлеть. Я ЛЮБЛЮ ВАС, Я ЛЮБЛЮ ВАС!»

Свое детство он провел в Абердине (штат Вашингтон), малюсеньком городке из тех, где никогда ничего не происходит, и детство это было поначалу счастливым. Мать полдня работала официанткой, другую половину проводила дома, отец служил меха-

стала «Communication Breakdown» группы «Лед Зеппелин».

Школу он окончил вполне прилично, но продолжать учебу наотрез отказался и с головой ушел в рок. Прежде чем создать собственную группу (тогда она еще не называлась «Нирваной»), он некоторое время пел в составе одной из уже существовавших. Абердин расположен в сотне километров от Сиэтла, славящегося своими дождями, заводами «Боинг» и активной музыкальной

В нервной музыке «Нирваны», проникнутой томительной тоской, понятной каждому подростку, и стихах узнавало себя неприкаянное поколение, слышавшее «Битлз» только на компакт-дисках и видевшее «Секс пистолз» только на постерах. Вскоре уже нельзя было сказать наверняка, то ли все стали одеваться, как Курт Кобейн, то ли это Курт Кобейн одевался, как все. Рубашка, майка, драные джинсы... Стиль «гранж» стал рупором поколения, не имевшего своего голоса.

Третий альбом, выпущенный в 1993 году, назывался «In Utero», хотя Кобейн хотел назвать его совсем иначе — «I Hate Myself and I Want to Die» («Я себя ненавижу и хочу умереть»).

Начало 1994 года. Курт сохраняет верность избранному творческому курсу; у него рождается горячо любимая дочка. Многим кажется, что в судьбе Кобейна произошел перелом, что он вроде бы избавился наконец от одолевавших его бесов. Но в марте он едет в Рим, где проводит все время, поглощая барбитураты и запивая их шампанским. Все начинается сначала. А три недели спустя раздается роковой выстрел.

В своих песнях Кобейн всего лишь выражал ту смутную боль, что терзала сердца его слушателей. В том, что им живется так паршиво, он, уж конечно, был совсем не виноват. Но трагедия заключалась вот в чем: проникнувшись чужим страданием, он решил, что несет за это ответственность, выдержать которую уже не мог.

ником. Мальчик рос непоседой, и все шло прекрасно до того дня, когда родители вздумали развестись. Курту было тогда восемь лет, но эта рана так и не зажила за всю его дальнейшую жизнь. Развод родителей изломал его в самом начале «трудного возраста». В доме воцарилась тоска. Когда Кобейн взял в руки гитару, первой песней, которую он выучил,

жизнью. Разумеется, путь начинающего рокера Кобейна не мог миновать местную метрополию. Первый записанный им альбом был встречен без особого восторга, хотя и не стал полным провалом. Зато потом... Второй диск, задуманный как «поощение вкусу публики» («Nevermind»), разошелся тиражом 10 миллионов экземпляров.

14.08.97

Кобейн Курт